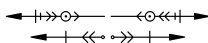

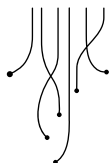

Даха
Тараторина

ДУРНАЯ КРОВЬ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т19

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на переплете *Е. Совы*

Тараторина, Даха.

Т19 Дурная кровь / Даха Тараторина. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-163790-3

Дурной колдунье нечего терять. Родных, друзей и побратимов — всех отогнал от неё проклятый дар.

Так почему бы не распахнуть дверь, когда в неё стучится мужчина с колочим взглядом? Почему бы не согласиться, когда он предлагает пуститься в путь по заснеженному лесу?

И, может, тогда вновь научится любить тот, кто думал, что давно уже очерствел сердцем.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-163790-3

© Тараторина Д., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Глава 1

ДУРНАЯ

-Дурна-а-а-а девка, — предупреждала беззубая старуха, принявшая его на ночлег.

Не бесплатно, конечно. Бабка не преминула взять втридорога за постой. А куда ещё пойти по беззвёздной темноте да в метель? Потому Верд не стал спорить. Сдержался, хоть и мог бы переломить жадную каргу надвое, заплатил и молча лёг спать, не спросив про ужин.

Наутро метель не утихла, напротив, принялась завывать свирепее, точно в снегу прятался голодный зверь, впивающийся когтями в бревенчатые стены, царапающийся, просящийся в тепло. Никто не впустил бы его: диким тварям не место среди людей.

Переждать, как и раскошелиться на ещё одну ночь, Верду не хотелось. Достанет и того, что подбитый мехом плащ высох и прогрелся у печи. Для вечного путника это ли не благодать? Унять бы урчащий голодный живот — вовсе счастье.

Пока щербатая гримза сплёвывала шелуху семечек в пригоршню, а свежие сплетни в уши неблагодарного слушателя, мужчина побренчал крышками многочисленных котелков в кухне. К величайшему разочарованию, ни в одном из них не обнаружилось ароматного

томлёного мяса. Да и с чего бы? В эдакой глуши его небось только по праздникам и видят, да и то в окно на соседском столе.

— Не обес-с-с-судь, милай! — Старуха поудобнее умостила задом на плотно закрытом и завешенном тряпицей сундуке. — Ты за ночлег платил, об угощении речи не вели. Оголодал — будь добр, ещё монету выложи.

— Перебьюсь. — Гость равнодушно скрестил руки на груди и опёрся плечом о дверной косяк.

Кто другой не рискнул бы ссориться с таким, как он. Немного нужно зоркости, чтобы приметить осанку, какой не встретишь у согбенного вечным огородничеством селянина, выступающие жилы, рисующие на предплечьях узор, схожий с танцем струек крови на лезвии ножа, да и цепкий, колючий взгляд заставлял неуютно поёжиться. Но бабка считала, что пожила уже достаточно, а потому не робела ни перед наёмником, ни перед его ухмылкой, разделённой надвое уродливым шрамом. Она самозабвенно делилась мудростью и думать не думала, что слова стоило бы взвешивать, прежде чем произносить.

— Дурная, — повторила она, — девка того... видно, умом тронулась. Ну и немудрено: с раннего детства одна. Небось родилась четвёртой, так её из дому и погнали, чтобы счастье не отнимала. Живёт особняком, ни с кем близко не знается. Вон прошлой весной сходил к ней сынок кузнеца. Известно, за чем пошёл: девка то в летах, незамужняя. Ну паренёк и понёс ей кубышку мёда в подкуп. Так она ту кубышку бедняге на темечко вывернула, опосля едва сняли!

— Легко отделался. — Верд крепко завязал тесёмки плаща под горлом, по привычке проверил, чтоб свобод-

но ходил в ножнах меч, и, прищурившись, спросил: — В какой стороне живёт? Девка эта ваша.

— А тебе к чему, добрый молодец? Дело какое али просто так любопытствуешь?

Старуха спрашивала для вида: и без того всё уразумела. С вечера она не раз выглядывала из-за занавесочки у лежака и рассматривала путника. Углядела, что на деле мужчина куда моложе, чем кажется, но шрамы да нелёгкая доля добавили серебра в волосы, заставили хмуриться и зло, подозрительно озираться. Не остались без внимания и треугольные метки на тыльных сторонах ладоней, хоть гость и снял с них повязки тогда только, когда хозяйка засопела. Однако ж старость лишает крепкого сна. Проснувшись и сходяв до задка в крайний раз, бабка застала, как тускло светятся чёрные линии.

Охотник.

Ясно, зачем дурная девка такому, как он. А им, деревенским, колдунья самим пригодится.

На этот раз Верд не стал терпеливо ждать, пока старуха наговорится. Со вчера он многожды спрашивал, где искать дурную, и всякий раз вместо ответа получал истории о тяжёлой беременности жены старосты, жалобы на жестокую раннюю зиму или заунывные песни.

Размашистым шагом он пересёк комнатушку, приподнял визжащую бабку одной рукой и откинул крышку сундука второй. Внутри ожидаемо обнаружились припрятанные намедни запасы, которые пришлым не полагались.

— Чаго удумал?! Наглец! Вор! Убивец!

Охотник поудобнее перехватил скандалистку, чтобы та кулаками доставала ему разве что до зада, и вознаградил себя за выдержку найденным ржаным хлебом и крынкой простокваши.

После грабежа старуха если бы и указала дорогу, то разве что к такой-то матери. Потому Верд спешно позавтракал под ругательные трели и ушёл. Главное он вызнал: колдунья в деревне действительно есть. Теперь он легко её отыщет.

Ох, как же охотник ошибался! Метки, что привели его в селение, светились и жгли почти постоянно, больше мешая, чем помогая. За день довелось обойти все стоящие поодаль от остальных дома, но без толку. Проклятая девка как сквозь землю провалилась!

А вьюга не затихала. Стоило и без того едва заметно-му солнцу скрыться, она словно взывала от одиночества. Снег слепил, заползал за шиворот, пробирался в рукавицы. Тяжёлые сапоги проваливались в наметённые барханы, мужчина увязал по самые колени и с каждым разом всё с большим трудом выбирался.

Метель стонала и пела, убаюкивала. Ей не хотелось проводить очередную ночь в тоскливом отчаянии. Она мечтала о тепле живого тела, она страдала, что некого обнять и укутать, сжать крепко-крепко, пробираясь под плащ, куртку и плотную рубаху к самому сердцу. Она гладила покрасневшиеся щёки путника, заглядывала в колючие глаза, запускала пальцы в волосы, словно припорошенные пеплом...

Но мужчина упрямо шёл вперёд. Силы его почти иссякли. Так уж нужна ему та колдунья? Вон сколько клиентов предлагали немалые деньги за охрану или сопровождение товара. А уж сколько сулили за тихое убийство — и вспомнить приятно! Ценят ещё мастерство...

Но охотник отказывался. Потому что за девку можно получить намного, намного больше. Если, конечно, знать, кому сбыть товар. Верд знал. Поэтому шёл, споря с непогодой и собственными продрогшими членами.

Позади мерцали огоньки удаляющейся деревни. Точно светлячки на болоте, обманом зазывающие в трясину. Ох, как же заманчиво развернуться и постучать в одно из окошек! Да хоть бы и в окошко беззубой карги! Она, конечно, затребует последние монеты, что остались в кошеле, но зато у неё жарко натоплено и небось ещё не убрано тяжёлое кусачее одеяло.

Но Верд не оборачивался. Он шёл вперёд. Туда, где нереально, сказочно подрагивала жёлтая точка. Поди догадайся, не голодный ли хищник наблюдает с кромки леса. А может, и вовсе ничего нет: так, игра усталой головы, отражение огней деревни. Но если есть хоть один малосенький шанс, охотник не отступится. Потому что охотники не умеют отступать.

Когда Верд добрёл до маленького покосившегося домика и стукнул в дверь, он понимал, что обратный путь к селению закончится где-нибудь в сугробе. А ещё он понимал, что, если пришёл правильно и откроет ему та самая одинокая колдунья, она нипочём не впустит рослого, изуродованного шрамами и сурового мужика внутрь.

— Батюшки! Вы, господин, никак, решили снеговиком заделаться?!

Девка отворила сразу, не спросив, кто и зачем, не прикрыв бесстыдно распущенный ворот платья и не собрав гуляющих на ветру и абсолютно белых как снег волос. Смелая. Или правда дурная?

— Ты, что ли, колдунья? — начал Верд злее, чем полагалось. Объясняйся тут ещё, просись, доказывай, что не худой человек, ври.

— Вы заходите, господин, заходите! Подумать страшно, что вы себе отморозить успели в эдакую непогодь!

И втащила его внутрь.

Охотник не стал противиться. С наслаждением вытряхнул снег из всех мест, куда его, по идее, и занести не должно было, скинул и пристроил под лавкой у печи сапоги, развесил плащ и расстегнул куртку.

— Не боишься?

Усевшись, вытянул ноги, впервые за долгие недели позволив себе по-настоящему расслабиться. Он нашёл её. Нашёл! Тех, кто обладает даром, ни с кем не спутать, и метки не нужны! Тонкая, бледная, почти прозрачная, растрёпанная и лёгкая, как снежинка. Таких не встретишь среди простых людей.

Девка отняла у Верда рукавицы, чтобы подцепить горячий чугунок, перенесла его на стол, всё ж таки ошпарившись по пути, и затрясла пригоршней.

— Чего бояться прикажете?

Охотник хрустнул шеей, размял плечи, едва не застояв от удовольствия.

— Меня, к примеру. Ну как убийца к тебе пожаловал? Вор, душегуб? — постарался Верд вспомнить все нелестные слова, которыми одарила его давешняя старуха.

Хозяюшка звонко рассмеялась, проскакала, как воробышек какой, едва касаясь половиц босыми ступнями, и плюхнулась рядом, без малейшего страха заглядывая чужаку в глаза. Дурашливо протянула ручку:

— Я Талла. А вы, дяденька, душегуб?

Верд ошалело пожал ладошку, утонувшую в его смуглой лапе. «Дяденька»! Намного ли он старше наивной девчушки, покамест не успевшей обжечься о жизнь? На пять лет? Десять? Зато поседел и нажил шрамов как на коже, так и на душе. Вот тебе и «дяденька»...

— Верд. Хотя и душегуб тоже. Временами. Но не сегодня.

— Вот и чудненько. Вечерять будем?

Не таясь, она выложила всю снедь, какая нашлась. Пока Талла ловко орудовала ложкой, раскладывая горячую, только из печи, кашу и разливая ароматный кисель, Верд поглаживал наверхие меча. Что мешает тюкнуть колдунью чуть ниже затылка, подхватить обмякшее невесомое тельце, перекинуть через плечо — и поминай как звали. Ни спрашивать не придётся, ни уговаривать. Знай себе вези по дороге, примотав к седлу, да еду изредка впихивай сквозь плотно сжатые зубы, чтобы вконец не отоцала. Охотнику не впервой, так чего церемониться?

Талла придвинула тарелку и вложила в задумчиво расслабленные пальцы грубо стёсанную деревянную поварешку. Мужчина недоумённо уставился на неё, поднял её к глазам, точно забыл, как держать, целиком закрыл половником суetyающуюся фигурку.

— Дура ты, — сообщил он колдунье.

Та невольно среагировала и тут же смутилась:

— Сам дурак! Ой, дяденька, вы чего обзываетесь?

— Какой я тебе дяденька! — вспыхнул Верд, плюхнув поварёшку на горку кушанья. — Явился к ночи незнакомый страшный мужик, в избу ввалился, а ты его потчевать вздумала? Ну как злодей какой?

Талла отхлебнула из своей кружки, подержала кисель во рту, с усилием проглотила.

— Но вы же сказали, что не душегуб, — искренне удивилась она.

— Я мог соврать!

— А врать, — дурная подняла кверху бледный палец, — нехорошо!

Ну чисто дитё малое! Помнится, бабка говорила, что колдунье замуж пора. Какое замуж, когда девка-дура перед самым носом опасности не разглядит? Как до своих-то лет с таким норовом дожила, и то непонятно!

— Да и что бы, интересно, я сделала, окажись вы худым человеком? В сугроб бы сиганула? Закричала? Неужто я такая глупая, что надеялась бы на защиту этих вот стен? — Дурная колупнула ногтем брёвнышко, и от того сразу отстала щепка. — И двери не лучше, — прыснула, как с хорошей шутки.

Верду ничего не стоило огреть её рукоятью меча, вернуться в деревню за лошадьё да отправиться в путь. Таковую доверчивую дурочку несложно доставить до места. Это не царпучая тяжеловесная тётка, которую он продавал в прошлый раз. Талла не попытается сбежать на привале, не станет упрямиться, отказываться от пищи и кусаться. Рыдать разве что начнёт. Но Верда давно уже не проймёшь горькими слезами.

Но то утром. Сейчас, как бы ни хотелось поставить девке ум на место доброй оплеухой, буяннить не дело. Он отдохнёт да отоспится, а там видно будет. В конце концов, колдунья может поехать и добровольно.

Мужчина долго тщательно пережёвывал кашу, всматриваясь в затухающие угли в печи. Натопила хозяйка знатно: его уже сладко разморило, а трещавшие от мороза кости в кои-то веки перестали болеть. Необычайная благодать напала на Верда. Она, и только она заставила его рискнуть:

— Давно ты живёшь здесь, Талла?

Она поправила соскользнувший плащ, чтобы скорее просох, надела на рога ухвата рукавицы путника и аккуратно пристроила к печному боку, чтобы не задымились.

— Давненько. Почитай, сколько себя помню. Мне эта деревня — дом родной, здесь выросла, здесь, видно, и помру.

Охотник засучил рукава, обнажая исчёрканные рубцами предплечья. Снять бы ещё плотные повязки с ла-

донецй, дать подышать жгучим меткам, но рано. Напугается ещё колдунья, не станет вести разговоров.

— И что же, нравится?

— А как иначе? Меня здесь приняли, не погнали. Иногда помочь зовут, ежели у кого недуг или корова околеть грозитя. За просто так кормят-поят...

За просто так? Вот же доверчивая девица! В городах за колдовство такую цену ломают, что не всякому по карману! Немудрено: кто ж станет рисковать шкурой за просто так? А эта небось всё селение на себе везёт да уверена, что это её приютили, а не выжимают почём зря!

— И никогда мир повидать не хотела? Платьев цветных поносить, дорогого сыру, заморских сладостей поесть? — котом замурлыкал Верд.

Глаза колдуньи засветились безоблачным зимним небом:

— Сладости... сладости — да. Мне позапрошлой весной проезжий купец подарил коробочку. Тесто тонкое-тонкое, слоёв — не пересчитать. Мёдом пахнет, пряно... Я, правда, совсем немного попробовала. Надо же детишек угостить. А их набежало — тьма! Ну и растащили всё, пока я лошадь того купца лечила.

— Подарил, значит? Не заплатил за то, что ты клячу его, чуть не околевающую, с того света вытащила, а подарил?

Талла кивнула, не понимая, почему гость криво, жестоко ухмыляется.

— Дура ты всё-таки. И это я не обзываюсь, а сообщаю тебе новость. Собирай-ка вещи, колдунья. Нечего здесь делать. Думаешь, сильно тебя любят местные? Помогают без повода? А знаешь ли, в каком достатке живут такие, как ты? Те, кто лечит не запойных пьяниц, перебравших накануне, а торговцев, городничих, дво-

рян? Разумеешь, как могут устроиться? Собирай пожитки. Тебя не похищать, тебя спасти от этих пиявок надо.

Верд не врал. Он вообще не слишком любил врать. Просто Талла пока не заслужила всей правды. Колдуньи действительно жили в достатке. По крайней мере, те из них, что не попадались шавкам короля. Когда магия становится вне закона, любые её крохи ценятся куда дороже золота. А охотник знал, с кем поторговаться.

Талла растерянно прижала к груди кружку с киселём:

— Куда? Разве меня ждут где?

— До ближайшего города доведу, а там посмотрим, — уклончиво ответил охотник.

— Как же я деревню брошу, дяденька? Тут дом родной, тут меня любят. Как оставить всё? — Она обвела рукой скудное убранство.

— Показать? — недобро понизил голос Верд, снова находя пальцами крестовину меча. Не стоило заводить речь с вечера. Теперь девка точно перепугается и даст дёру. А ехать в ночь да по метели никак нельзя, тем паче с бездыханной колдуньей, которая, не ровен час, околет по пути.

Но тут в окно замолотили. Показалось, ветер кинул горсть снега, но нет. К грохоту прибавились крики:

— Талла! Талла, золотко!

Колдунья подскочила, метнулась распахнуть двери.

— Староста!

— Доченька, милая, выручай! — Мужик, не теряя времени, плюхнулся на колени. Густую чёрную бороду и огромные плечи запорошил снег, делая его похожим на одного из юродивых, что профессионально выпрашивают монетки близ монастырей и храмов. — Дана рожать вздумала! Не в срок, в пургу! За лекарем в сосед-

нее село, как хошь, не успеть! Спасай, милая! На тебя одна надежда!

Колдунья схватила душегрею, набросила на хрупкие плечи прямо так, поверх лёгкого платья, и рванула на улицу. Староста сразу успокоился, подхватился.

— Стой! — Верд успел удержать девку за подол, когда та уже выскочила за порог, и втянул обратно. — Босой собралась?

Эдак впервые, чтобы товар так страстно желал себя утробить, прежде чем охотник доставит его к заказчику.

— Ой, и правда! — заливисто рассмеялась девка, прыгнула в валенки и припустила уже так, что проситель едва за ней поспевал.

— Дурная, — процедил охотник сквозь зубы, натянул обувку и выскочил следом, завязывая плащ уже на ходу.

* * *

Роженица вопила так, точно лез из неё не младенец, а по меньшей мере медведь. Верд, конечно, слышал, что дело это неприятное, но всяко не больнее, чем схватиться с дюжинным отрядом и выжить, а потом три месяца едва двигаться. Наверное.

Не к добру мужчинам подглядывать за таинством рождения новой жизни, но женщину схватило внезапно, баню натопить только бросились, так что, кроме как за стенку, Верду и старосте деться оказалось некуда.

— Чего припёрся? Звал тебя кто? Пшёл прочь! — попытался будущий отец замахнуться на незнакомца, когда тот только вошёл, но Верд так тяжело зыркнул, что староста не решился перечить. — А то и оставайся, всяко человек с мечом пригодится злых духов отгонять...

— Воды горячей! — Талла выглядывала из комнаты, повисая на двери, и тут же снова пряталась внутри, как

вдёрнутая за волосы. — Тряпок чистых! И нож, да прокалите над огнём!

Верд не хотел смотреть, но всё одно увидел женщину, катающуюся по смятой кровати, потную, зарёванную. И колдунью. Не наивную глупую девчонку, что впустила в дом незнакомца, а настоящую магичку, уверенную, сильную, с прямой спиной и лёгкими, но крепкими ладонями. Она прижимала их ко лбу женщины, окутывала её лицо голубоватым сиянием, и крики той ненадолго стихали.

Староста ругался, меряя избу шагами:

— Баба нерадивая! Ну куда, куда, в метель-то рожать?! Ух, ничего им не доверить!

А Верд стоял у окна, с трудом сдерживаясь, чтобы не наподдать коленом безвинному перепуганному мужику. Знамо дело, над первенцем все трясутся. Это тебе не четвёртое нежеланное дитя, которое иной раз и вовсе могут притопить, коли живым на свет появилось.

За окном выла метель. Тягуче, с переливами, с рычанием. Так, как не должна завывать природа. Недобрый знак. Недобрые роды. Раньше срока, при мужиках, без лекаря и повитухи. Плохо. Очень плохо. Мужчина не убирал ладони с меча, и тот словно знал, что скоро пригодится, едва чутно подрагивал.

Запахавшиеся тётки, мамки или няньки — того Верд не ведал — без толку носились туда-сюда, только выстуживая избу. Верещали, причитали и молились Трём Богам, покровителям смертных. Да бесполезно: буран не утихал, а баба всё никак не могла разродиться.

— Как без баньки-то? Дрова, точно Богиня с Котлом на них плюнула, сырые! Нипочём не занимаются! — Рябая тётка уселась на пол, раскачиваясь из стороны в сторону, поймала штанину старосты и запричитала

ла, размазывая сопли по красному лицу: — Как же без баньки?!

Верд на всякий случай отодвинулся подальше: того и гляди начнёт ещё и за него хвататься, запачкает, порвёт одежду.

Староста тоже не горел желанием утешать плакальщицу. Самого б кто успокоил. Он вырвал ногу.

— Да не вопи ты! Одно слово: бабы. Что жена, что тёща! Талла пришла, сейчас всё поправит.

Верд удивлённо приподнял брови, но промолчал: колдунья колдуньей, но, когда жена на сносях, мог бы и озаботиться заранее сухими дровами, а то и повитуху зазвать погостить. Видно же, что первенец поздний: мужик уже старостой заделался, а всё наследником не обзавёлся.

— Да как так-то? Всё на колдунью? Управится ли? А ежели оглоеды поналетят? Как отгонять, кому молиться, ежели не по чести таинство учинили?

— Уймись, дура! — Староста с усилием за грудки приподнял тещу и усадил на лавку. — Всё Талла поправит, всё сделает. На то колдунью и держим!

А вот охотник подобной уверенностью похвастаться не мог: он уже сообразил, что отсыреть в бане дрова никак не могли, да и печь неспроста начала чадить чёрным вонючим дымом. Злые духи-оглоеды не любят тепла, а вот свежей кровью полакомиться — это да. Они летят к роженицам, как бабочки к костру, да только не сгорают в пламени, а отщипывают человеческое тепло по кусочку. Особенно приятно им лакомиться горячей младенческой плотью, едва показавшейся из материнской утробы. Для того и топят жарко баню, для того разводят огонь и ходят вокруг с обнажённым клинком: отпугивают лиходеев.

Только старосте до того дела не было: он привёл в дом колдунью и боле утруждаться не собирался.

— Нож над огнём прокали, — напомнил Верд, будто бы его дело вовсе не касалось. — Да дров в печь добавь.

— А ты что это раскомандовался?!

Благо тёща и вторая баба, видно мать мужика, оказались посметливее: подхватились и бросились исполнять приказ. Только всё больше мешали друг дружке, сталкиваясь рыхлыми задами и переругиваясь, чем помогали. А нерадивый папашка нашёл развлечение: подлетел к незнакомцу, привстал на цыпочки, чтобы пихнуть его грязным пальцем в грудь:

— Чего раскомандовался, спрашиваю? Кто таков, чьих будешь, чтобы рот разевать в моём доме? Тебя звал кто разве? Ну? Отвечай!

Верд зевнул и быстрым движением выкрутил старосте руку. Да так сильно, что густой чёрной бороды аккурат достало подмести пол.

— Жена, говорю, у тебя рожает. Иди подмогни, а не дурью майся.

Охотник не отказал себе в удовольствии поторопить мужика пинком. Тот, низко склонившись, добежал до противоположной стены, чудом не пробив её дубовым лбом, и только сильнее разозлился:

— Ты на меня руку поднять посмел?! Да я тебя!.. Да я...

Он сложил кулаки и неумело поводил ими в воздухе, навреде как угрожая.

— Печь, — напомнил Верд, не двигаясь с места. — Потухнет — худо придётся.

— Я тебе сейчас покажу худо, морда резаная!

Верд отшагнул в сторону, и на этот раз староста, взяв хороший разгон, всё ж таки долбанулся об стену и, расвирепев, бросился на пришельца. Снова промахнулся

и шииб с ног мамку, а та, заверещав, утянула в кучу-малу и тещу.

— Печь растопите, дурни! — повысил голос охотник, но кто ж его услышит за руганью и воплями. — Оглоеды налетят — сожрут всех!

Бесполезно. Верд плюнул прямо на пол и настезь распахнул дверь в комнату роженицы.

— Куда?! — взвыли вслед мамки, вдрут вспомнившие, что впускать мужей на таинство строго-настрого запрещено богами, но чихать он хотел на их слова. Сами наложили — сами пускай и разгребают. А подставляться за бесплатно он не намерен. Ушёл бы один, не задумавшись, но не бросить же колдунью: от её тощего тельца оглоеды и косточек не оставят, а у Верда на Таллу имелись совсем другие планы.

Вспотевшая, утирающаяся рукавом, в сползшем с одного плеча платье, она суетилась у кровати роженицы, щупая, заглядывая, куда не следует, нашёптывая ласково:

— Потерпи, Данушка! Ты сумеешь, милая! Давай, вдохни поглубже и ещё разок напрягись! — Она подняла на Верда чистые голубые глаза: — А ты здесь чего? Мужам нельзя...

Муж, которому нельзя, мотнул головой, точно отгоня доставучего слепня, и молча стиснул запястье девушки. Потянул.

— Куда? — заупрямилась та, упираясь пятками и отклоняясь назад. — Да что с тобой?! Дана!

Охотник зло бросил, не оборачиваясь:

— Подохнет твоя Дана. Как и вся их семейка. Оглоеды летят.

— Как оглоеды? — ахнула колдунья, только сейчас сообразив, как озябла. — А печь как же? Надо дров добавить...

— Нету больше дров. Опоздали. Дерево не загорится, пока они не получат своего. Мы уходим, а эти как хотят. Ай! Дура, что делаешь?!

Отскочив, как дикая кошка, Талла почмокала губами, словно пыталась распробовать укушенную только что руку.

— Я остаюсь. Подойдёшь — вцеплюсь ещё куда-нибудь, где больнее. Неужто предлагаешь роженицу бросить?

Верд задрал рукав. Два полукруглых следа от зубов перече́ркивали старые боевые метки.

— Дурная девка!

Нет уж, дудки! некогда церемониться: через плечо упрямыцу — и во двор! Кусаться удумала, гляньте на неё!

— Сказала, не пойду! — Девчонка единым прыжком перескочила полкомнаты, задрал юбку, взобралась с ногами в изголовье кровати и умостила голову Даны на коленях, погладила её волосы, утешая.

Верд не раз видел, как колдуют обладающие даром. Так свежий ветер обдувает горячий лоб в жаркий полдень, когда идёшь, увешанный доспехом, и уже ненавидишь палящее светило в небе.

Талла коснулась алых щёк роженицы, и невидимая сила проявилась, засияла сквозь её кожу, потекла ручьями по жилам, вытягивая, выпивая боль из тела женщины. Руки светились, как бледные голубоватые звёзды. Морщины на лбу Даны разгладились, мука перестала кривить лицо. Женщина задышала ровно, правильно, как наверняка учили. А Талла сидела, прикрыв свои голубые очи полупрозрачными веками, и знать не знала, что творилось вокруг.

А творилось худое.

Ещё недавно раскалённая печь перестала греть. Напуганные тётки успели выстудить избу или что похуже?

Метель взвыла протяжно, жалобно. Словно и она испугалась того, что пришло поживиться молодым мясом. По стенам заскребло, заскрежетало, зацарапалось... Оглоеды!

Верд ещё мог бы удрать в одиночку. Переждал бы у ближайших соседей, а то и вернулся бы к опустевшему жилищу колдуньи. Но он был из тех, кто не выпускает товар из рук и не бросает дело на середине. Поэтому охотник выхватил меч.

Пока он, стараясь не дышать и не двигаться, прислушивался, нутром угадывая, откуда явится враг, Талла приоткрыла и скосила один хитрый глаз. Тихонько облегчённо выдохнула: нечистая сила боится доброй стали не меньше, чем святого огня. Авось с таким защитником до утра никто живота не лишится.

Они налетели разом с четырёх сторон.

Размером с летучих лисиц, да только куда более зубастые и голодные. Стены не стали преградой для бесплотных духов: лишь жар сдерживал их, но теперь, поборов его, монстры готовились пировать.

Верд отогнал их круговым росчерком меча, придвинулся к постели и замер, следя за копошащимися в неосвещённых углах теньями.

Оглоеды взмахнули крыльями, разом, как одно неживое, разделённое на части существо, нападая с нескольких сторон, метя в беззащитное горло. Но воину ни к чему озираться, рассматривать каждого врага. Он хребтом знает, когда заходят со спины. Охотник припал на корточки в последнюю секунду, кончиком меча вспарывая чёрное брюхо самого нерасторопного оглоеда. Тот завизжал и заметался. Из брюха дымными лентами свисали призрачные внутренности, бледнея и рассеи-

ваясь от каждого движения. Остальные вторили: смерть одного — боль для всей стаи.

— Мамочка! — заметалась роженица. — Мамочка!

Окликнутая забарабанила кулаками в дверь: впусти-те! Да Верд метнулся раньше, загораживая проход, под-пирая плечом. Сунется кто — живым не уйдёт. Оглоеды вечно голодны и не чают тот голод утолить.

— Терпи, Данушка! Скоро, скоро закончится всё! Верд!!!

Едва успев обернуться, охотник рубанул сверху вниз, рассекая надвое зависшего у кровати нечистого.

— Бабы, — презрительно бросил охотник, поджимая губы: всё ж блестящие восторгом глаза юной колдуньи тешили давно очерствевшее самолюбие.

Он провернул клинок, ловя отражение затухающей лучины, направил солнечного зайчика в скопище хищ-ников, разгоняя их, разделяя на части большое, целое и зубастое.

Понятливая Талла добавила ещё лучинку, вторую, третью — сколько нашлось. Лишь бы не потух живи-тельный огонь! Лишь бы Бог с Ножом не отвернулся, уберёт!

Бог с Ножом, понятно, являться не собирался. И брат его, Бог с Ключом, и сестрица с Котлом — никому дела не было до измученной Даны, до противной божествам девки с даром. И уж точно не собирались они выручать охотника без чести и совести. Пришлось Верду само-му становиться защитником. Не с ножом, так с мечом. Чем хуже-то?

Взмах — и раненый оглоед падает на пол, чтобы рас-сыпаться золою.

Удар — и стонет, мечется роженица, визжит не хуже нечистика.

Свист — и Талла утешает, шепчет, подбадривает. И уже кажется, что не Дану, а Верда. Утирает холодный пот, касается губами лохматой головы. А по голубым сияющим нитям, что тоньше паутины, утекает из тела усталость.

— Ма-а-а-а-а-а-ама!

Верд провернулся на каблуке, сияющим кругом ударов отпугивая злодеев, а вопль женщины двоился, разделялся и продолжался. И в вопле слышна новая жизнь: молодая, горячая, требовательная!

Удар удивил и самого воина. Уж насколько он умел сражаться, насколько знал, когда сделать вдох, когда сигануть в сторону, когда прогнуться... Но меч, точно ведомый чужой рукой, показался вдруг втрое легче лёгкого. Верд размахнулся, стиснул двумя руками рукоять и сделал страшное: расстался с оружием, бросил его, как палку какую, в тёмное облако, из которого шелестели крылья голодных духов.

Поймав отблески лучин, отражая голубоватое сияние ладоней колдуньи, меч распорол тучу в самой середине, точно упрямый солнечный луч. Талла торопливо свесилась с кровати, подобрала клинок, пока напуганные оглоеды не опомнились, и резанула пуповину.

Всё, родилась новая жизнь. Злыдни остались ни с чем, разлетелись голодными, а Дана, рыдая от боли и счастья, тянула руки — обнять новорождённую дочь.

* * *

— Как... девка? — Староста так и сел.

Верд молча вытирал с меча чёрные подтёки, не слишком глядя по сторонам, но всё одно приметил, как

бородач начал ощупывать пол возле зада, точно что-то пытаясь отыскать.

Отмывая окровавленные рукава в заледеневшей вблизи нечисти воде, Талла улыбалась:

— Так — дочка. Дана пока её кормит, а после можно и обнять чадушко.

Толстые грязные пальцы стиснули топориче, обнаруженное под лавкой.

— Как — дочка? — тупо переспросил староста. — Первенец! Сын должен быть! Как иначе? Иначе боги не завещали!

Колдунья отжала порозовевший рукав, задумчиво расправила: как домой в мокро-то идти? Дадут какое платье переодеться?

— Мало ли чего там у других. Ты не серчай, староста! Тяжёлые роды были, сложные. Дана чудесное дитя привела в мир, так есть ли разница, благословили его боги али нет? Теперь хоть четверых, хоть целый выводок рожайте! К чему вам счастье Троиш, коли своего в достатке?

Топор перекочевал к старосте на колени. Давно ли так лежала на коленях у колдуньи голова его супруги?

— Четвёртого?! — взвыл мужик, сильнее сжимая оружие. — К чему нам благословение Троиш, спрашиваешь? А не ты ли, девка дурная, его у нас отобрала, а?! — Он тяжело, опираясь на скамью, поднялся, закинул топор на плечо — так, чтобы сподручнее его опустить на темечко виноватых. — Подменила мне сына, гадина? Ты, точно ты!

Тёща со свекровью, до того обмывающие Дану с дитём, в ужасе прижались к стеночке: ну как ещё на них кинется?

— Сынок, ты бы не серчал... — неуверенно начала мать. — Талла подсобила, чем смогла. Чать, не повитуха...

Но замолчала, когда лезвие глянуло в сторону её макушки. Тёща та и вовсе не решилась перечить: она с топором знакома не понаслышке, так что под горячую руку не лезла, дабы потом не улепётывать по сугробам.

— Подсобила?! Подсобила она?! Дурная кровь у гадины, дурная! Прокляла наш род, плюнула Богине в Котёл! Привела в мой дом абы кого, мужика... мужика! Мужика к роженице впустила! Прокляла-а-а-а-а!

Он бросился на девчонку, как тот изголодавшийся нечистик. Вращая зенками, брызгая слюной... Прибьёт! С ходу прибьёт!

Верд, казалось бы не замечавший обозлившегося папаши, выставил вперёд ступню, и мужик споткнулся, растянулся, выронив оружие. Оно аккурат скользнуло к ногам Таллы, а та, не будь дура, подхватила юбки, перепрыгнула, оттолкнувшись от зада старосты, — и к входу.

— Объявишься — убью! — Мужик вдарил кулаком по крепким доскам пола.

Талла кивнула: ясно, мол.

— Пошли, что ли? — нетерпеливо обернулась она к наёмнику.

Верд в последний раз провёл тряпицей вдоль лезвия.

— Далеко ли?

— А куда ты меня зазывал? За лучшей жизнью?

Охотник позволил мечу скользнуть в ножны и довольно хмыкнул:

— Не боишься?

Колдунья только руками развела:

— Ну не зря же меня дурной кличут...

Глава 2

НА БОГОВ НЕ НАДЕЙСЯ

Уж чего колдунья точно не ожидала, так это того, что не одумается к утру. Она ворочалась на печи, слушая такое мерное дыхание Верда на лавке, словно он и вовсе не засыпал. Крутилась волчком, передумывала, передумывала снова и ещё раз... И всякожды решение казалось правильным, разумным, взрослым. Каждое из них: остаться или согласиться и ступить за порог с хмурым незнакомым мужиком, разукрашенным шрамами.

Ясно, что староста её не зарубит. Чать, не впервой бушующий. Да и не убивец он. Но вот останется Талла в деревне. Станет дальше лечить коров, роды принимать... Не как вчера, нет. Она обучится у повитухи, освоит мастерство. И, как знать, может, когда-то сумеет себя пересилить и возьмёт за колдовство денег, а не муки али молока.

А потом состарится да помрёт. Одна. Потому как кто же возьмёт в жёны дурную? Каждому известно: с такими, как она, семьи не выйдет. Разве ходить в гости могут. Как сын кузнеца по прошлой весне. Да от каждого ли кадушкой с мёдом отобьёшься?

Талла свесилась с печки, пытаясь в неверном зимнем свете рассмотреть мужчину.

Страшный! Вот что днём, что во сне — страшный. Смуглый, как нечисть какая, седой, точно старик. И шрамы... Самый уродливый рубец брал начало под левым глазом, змеёй сползал по щеке и делил надвое узкие, точно надломанные, губы. Такой не получают на охоте или по глупой случайности, только в бою.

— Хорош? — ухмыльнулся мужчина, не открывая глаз.

— Страшный! — озвучила Талла сокровенное, не успев понять, где явь, а где неслышные мысли.

— Какой есть. — Верд повернулся на бок, хоть до этого всю ночь мертвецом пролежал на спине и не шелохнулся. Пробурчал: — Страшный — подхватывай юбки и беги жалуйся старосте. Авось пригреет.

Девушка фыркнула и, ощупывая дорогу ногой в дра- ном вязаном чулке, принялась спускаться. Вместо края скамьи неловко ступила мужчине на бедро. Тот только недовольно выдохнул и натянул одеяло до ушей: рано ещё вставать, вторые петухи небось не успели пропеть, хотя отсюда всё одно не слышать.

Колдунье же не спалось. Она тихонько, на цыпочках, ходила по избе, собирая пожитки. Нашлось до обидного мало: единственное вышитое нарядное платье, тёплые штаны, которые девушка, озираясь, чтоб Верд не под- глядел, поспешила натянуть, рубахи да всякая женская утварь. Маленькая сума, до смешного маленькая. Неуж- то вся её жизнь сюда уместилась? И что же, усидит Тал- ла в деревне, дотянет до старости, уйдёт, когда настанет время, к богам, а от неё только такая сума и останется? Ни сказок никто не скажет, ни добрым словом не помя- нет? Потому что кто ж упомянет простую деревенскую колдунью, которая только и делает, что за скотом смо- трит да раз в месяц женщинам боль облегчает, прикла- дывая руки к чреву.

Она ответила наёмнику, что жила здесь, сколько себя помнила. Но малость утаила: помнила ведь и ещё кое-что. К примеру, сказки. Сказки рассказывала женщина с уз- кими, не чета трудолюбивым сельским бабам, ладонями. Эти ладони перебирали пока ещё недлинные волосы, сплетали их в косы... А в сказках колдуньи были совсем другими. Сильными, смелыми. Они бы не чурались за-

кинуть на плечо узелок, вскочить в седло да отправиться куда глаза глядят. А куда они глядят, те глаза? Этого Талла пока не ведала. Но твёрдо подошла к спящему (или только притворяющемуся?) мужчине и пихнула его в бок:

— Пошли, что ли. Не стану печь топить почём зря. Новому жильцу дрова сгодятся.

Охотник лишь хмыкнул и откинул одеяло. Одетый, обутый и обнимающий меч. Он даже немного обрадовался, что не пришлось гоняться за перепуганной девочкой и тащить её силком.

* * *

Конюшня в деревеньке была общая, как и большинство лошадей. Вердова Каурка наелась, напилась и отдохнула. Пожалуй, слегка застоялась, но кто ж станет выводить скакунов в метель навроде вчерашней? Однако при виде хозяина и опостылевшей сбруи Каурка восторга на морде не изобразила. Обнюхала охотника, ткнулась носом в щёку, а после и в карман, куда хозяин загодя положил остатки хлеба от их с Таллой завтрака. Угощение заставило лошадь смилостивиться: седлай, что уж. Всё одно делать скаковой красавице с этими клячами нечего.

— Лошадка! — Пока охотник расплачивался за стой, девушка кинулась на шею удивлённому животному, принялась гладить, перебирать гриву, обнимать.

— Укусит, — предупредил Верд, пристраивая у седла небольшие сумки и перестёгивая меч.

Каурка, вспомнив, что, вообще-то, и правда может, цапнула зубами воздух вблизи тонких пальцев колдуньи.

— Она ещё и с норовом! — в восторге завизжала девушка, нетерпеливо прыгая на месте. — Можно я поеду? Можно? Ну можно?

— Дурная, — процедил Верд, подсаживая девчонку и устраиваясь позади неё.

— Это что?

— Не ёрзай.

— Как это мы так?

— Не ёрзай, сказал.

Но Талла не успокаивалась, с непривычки не умея примоститься удобно:

— Она что же, нас обоих повезёт?

— Нет, — окрысился Верд. — Я рядом побегу, за стремя только ухвачусь!

— Тяжело же...

Мужчина хмыкнул: тоненькая колдунья весила как иной ребёнок. Каурка, привычная к долгим переходам и тяжёлому доспеху, её и вовсе не заметит. Если, конечно, девчонка перестанет тянуться к беспокойно шевелящимся ушам.

— Уй! Укусила! — восторженно завизжала Талла, показывая едва задетый губами палец. — Как есть укусила! Как я тебя вчера!

Верд всё-таки пожалел, что не огрел колдунью и не повёз, завернув в мешок и перекинув через седло покорным и, главное, молчаливым кульком.

Тем более что дорога не задалась. Сказать по правде, лошадь не слишком-то и скользила, но копыта по запылённой давешним снегопадом тропе передвигала без охоты.

Верд, ясно, злился. Не на такой путь он рассчитывал. По утоптанному широкому тракту Каурка домчала бы их вмиг, а сколько придётся петлять по сугробам, выбираясь из глуши, — только Троице Богов и известно. Лошадь всхрапнула и вильнула в сторону, провалилась задней левой ногой едва не до самого

крупа и взбила целую тучу снежной пыли, пока выбиралась.

Сплюнув мгновенно растаявший от тепла тела снег, Верд замахнулся огреть нерадивую клячу...

— Ты чего? Не трогай лошадку! — Талла вцепилась в рукав, едва не свалившись под копыта и тем самым не понизив свою стоимость вдвое.

— Дура! — зло выругался охотник, за шкирку втягивая девчонку обратно в седло.

— Сам дурак! — огрызнулась дурная, обнимая скакунью. — Небось, если бы ты нас с Кауркой на спине вёз, тоже не сильно радовался!

— Хочешь пойти пешком и облегчить её ношу? — ухмыльнулся мужчина, отставляя руку: дескать, соскакивай, не держу.

— Ну и пойду!

Забыв хоть чуть поработать головой, она скакнула вниз и тут же, промахнувшись мимо тропки, увязла в сугробе по пояс.

— И вот по этой дороге прямо, — подсказал охотник, отвязывая и бросая вниз узелок девчонки.

Выждал немного, пока охолонёт, извинится и попросится обратно. Но Талла непреклонно сложила руки на груди и только сверкала глазищами, точно двумя обледеневшими озёрами посреди снежной пустоши. Верд даже проехал вперёд пару сажений, ожидая, что дурёха образумится, завизжит и замолит о помощи. Не осаживая лошадь, глянул под локтем: пыхтит ли, пытается ли выползти на ровное. Колдунья, не шелохнувшись, выжидательно смотрела в спину охотнику, точно не в сугробе сидела, а на мягкой перине нежилась.

— Вёрст эдак тридцать до ближайшего селения, — едко добавил Верд, остановившись якобы для того, что-

бы поплотнее натянуть рукавицы: метель успокоилась, но на смену ей пришли безоблачное небо и такой морозец, который в силах прилепить веки к глазам. А дурная упрямится, ждёт, чтобы застудиться и ещё больше усложнить путешествие!

Талла горестно шмыгнула и вытерла нос задубевшим рукавом. Помрёт, как пить дать помрёт, и останется это на совести жестокого, бессердечного наёмника, выманившего наивную пигалицу из родного дома...

К тому ж мёртвые колдуньи на рынке не в цене, а отморозившие ноги всяко стоят меньше цельных.

Мужчина осторожно, чтоб тоже не увязнуть вместе с Кауркой, развернулся. А Талла, хитро сверкая глазищами, вытянула руки, позволяя себя спасти. Верд вздёрнул её за ворот душегреи, пуговицы пугающе затрещали, но выдержали.

— Не бей больше лошадку, — велела колдунья, старательно копируя интонации хмурого спутника. Словно переспорила, убедила чурбана в своей правоте. Верд приподнял брови и помог нахалке, перекувырнувшись в воздухе, снова нырнуть в сугроб. На этот раз наверху остались тонкие ножки и валенки, доверху набитые снегом.

Вдругорядь уместившись на лошадиной спине, Талла отчётливо простучала зубами:

— Ладно, поняла. Ты главный. Но Каурку всё равно не обижай.

Охотник с трудом пересилил себя и не отправил колдунью доучивать урок. Впрочем, колотить кобылу он всё равно не собирался: чать, не один день ей ещё везти поклажу.

Что девчонку нужно хорошенько приодеть в дорогу, Верд понимал, ещё только выезжая с ней из деревни.

Но искать подходящие для верхового сапоги и плащ, защищающий от непогоды почище медвежьей шкуры, — дело долгое и хлопотное. Колдунья могла решить, что рискованное путешествие такой мороки не стоит, переждать. Теперь ей деваться некуда. Стало быть, можно отовариться в селении, примеченном загодя. Местечко немалое, жители ажно собственный храм заложили. Найдётся и торговец, и работа, чтобы товар оплатить. Да и ночевать в лесу в такую стужу, какую обещало чистое, искрящееся небо, удовольствие сомнительное. Поэтому охотник, не задумываясь, свернул туда, откуда паутинами тянулся дым из труб.

Вовремя, надо признать. Колдунья ёжилась, неосознанно плотнее прижималась к спутнику, дышала на озябшие пальцы.

— Не сдохни мне тут, — предупредил охотник, насильно надевая на её тонкие рукавички свои: тяжёлые, огромные, хоть сразу две кисти засунь!

— Мне не холодно! — попыталась возразить Талла, но тут же получила болезненный щелчок по пунцовому кончику носа.

— Поговори ещё — мигом в сугроб полетишь!

Каурка, больше всех утомившаяся за день, скептически покосилась на наездника. Копытная взяточница с ходу сообразила, что девчонка не скупится ни на ласку, ни на угощение, может втихаря сунуть сухарик под нос или вкусно поскрести у челюсти. А потому между суровым мужиком и ласковой девчужкой не выбирала. Якобы случайно она припала на задние ноги аккурат в тот момент, когда Верд отпустил поводья. Талла ухватилась за шею и удержалась. Охотник кубарем свалился на землю под ехидное ржание, мгновенно сменившееся выражением преданности на морде.

Задумчиво почесав отбитый зад, Верд изрёк:

— Не бить лошадку, говоришь? Я не буду её бить. Я её мяснику продам.

— Она просто устала!

Каурка непонимающе и подчёркнуто искренне взмахнула ресницами. Переступила на месте и повернулась к отряхивающемуся хозяину, чтоб тому удобнее было забираться обратно.

— Нет, спасибо. Дальше я пешком. — Мужчина легонько шлёпнул мерзавку по морде и оставшуюся версту шагал сам, втайне с огромным наслаждением разминая затёкшие ноги и место их соединения.

Без Верда Талла постоянно съезжала то на одну, то на другую сторону седла, не дотягивалась до стремян и так страдальчески кривилась, что и Каурка могла обзавидоваться. Последняя то и дело виновато тыкалась носом в плечо хозяину, но тот не оборачивался.

— Ну Ве-е-е-ерд! Ну я же соскальзываю! Ну мне холодно одной! — Девчонка болтала ногами, отчего держалась на лошади ещё менее крепко.

— А ты пробегись — мигом согреешься.

Шутки шутками, но Верд не просто так усадил колдунью всем на обозрение. Не шибко хорошо лишний раз привлекать внимание, того и гляди королевские прихлебатели явятся. Ну да от Больших Храмовников до короля ещё попробуй доберись. Пока весточка дойдёт, их с Таллой уже и след простынет. Ну и, сказать по правде, в сёлах никто особо королю не докладывает. Всякая магическая помощь здесь и сейчас ценнее, чем благодарность от правителя когда-нибудь потом. А то ещё и по шее схлопотать можно за недостаточную расторопность: как так, дурная в селение заглянула, а вы её не задержали, в погребу не заперли? Не дело! Потому

охотник не волновался, а, напротив, демонстрировал добычу всем и вся, придерживая Каурку за повод и неспешно пересекая деревню. Пока прошли от тяжёлых, но настежь распахнутых ворот до храма, блестящего от облепившего камни инея, Верд уже заметил трёх или четырёх особо заинтересовавшихся товаром людей. Глядишь, не только на тёплую одежду заработать удастся, но и про запас чего оставить.

— Как посмело ты, наглое, неугодное богам отродье, войти в ворота славного селения?!

Из храма, смешно шаркая пушистыми тапочками, прикрыть которые у рясы не доставало длины, выскочил сначала живот, а потом и сам служитель. Не решившись сосупить с порожка на неубранный покамест снег, он одёрнул передний край одеяния, дабы спрятать непопребство, но ткань сразу же снова собралась складками у брюха и обнажила обувку. Служитель принял позу оскорблённой невинности, заломив руки и отставив носок одной ноги, и обратился к небу:

— Бог с Ножом, оградитель и защитник, как ты допустил подобное святотатство? Колдунья, противная тебе, вошла в наш благословенный дом...

— Так у вас же ворота не заперты, — обезоруживающе улыбнулась Талла.

Толстячок недовольно зыркнул в сторону хамки, посмеившей нарушить его аудиенцию с богами, и продолжил играть на публику, коей собралось уже немало:

— Бог с Ключом, покровитель и кормилец, неужто жертв и молитв оказалось недостаточно? Ты решил испытать нашу веру, приведя в святую обитель эту противную тебе тварь?

— Но-но, — негромко, но веско вставил Верд.

— Эту дурную кровь, — поправился служитель.

Толпа, с большим интересом наблюдавшая за началом представления, сообразила, что ничего нового не услышит, и начала многозначительно безмолвствовать, зябко переминаясь на месте.

— Господин Санторий, — робко донеслось из задних рядов, — а мы сегодня линчевать дурную девку будем?

Патетично возведённый к небу взгляд оратора метнулся к Верду. Охотник ослабил и сложил руки на груди: линчевать, говорите? Ну-ну, попробуйте. Служитель равнодушно передёрнул пухлыми плечами и вернул взгляду праведную затуманенность:

— Разве имеем мы право судить тех, кого боги покамест не успели покарать? Разве Богиня с Котлом не заведовала всем и каждому...

— Тогда мы пойдём, пожалуй, — заключила толпа. — Холодно. Да и вечерять пора. Помнится, господин Плессий нас по морозу не созывал...

— Грешники! — Короткий палец ткнул в самую гущу скопища. — Господин Плессий был слаб духом! И ваши слабости поощрял! Проповедь очищает, готовит ко встрече с богами, а вы предпочитаете пище ума животную трапезу?!

— Отчего ж токмо животную? — резонно возразил народ. — Мы и растительную того... В общем, пойдём мы, господин Санторий. Не обессудьте. Завтра с самого утра ваша проповедь и послушаем. Небось не устареет.

Ещё с минуту служитель пучил глаза и возмущённо тыкал перстом в безоблачное небо, откуда почему-то не спешили спускаться и карать неразумную паству (а заодно вознаграждать верного слугу) терпеливые боги. Поэтому перст переместился чуть правее, чтобы указать на грудь хмурого мужика со шрамом, перечёркивающим добрую половину лица.

— А вы, проклятые Тремя глупцы... — начал служитель столь же вдохновенно, но мотнул головой, перебираясь, и закончил буднично и вполне доброжелательно: — Зашли бы внутрь, а то я уже пяток не чувствую.

Верд не заставил просить себя дважды. Только спихнул с седла колдунью и вручил вертящемуся рядом мальчишке-конюху повод Каурки. Пацан протянул обветренную ладонь, и охотник с готовностью пожал её. Мальчишка растерянно уставился на руку, в которой, как ни крути, не появилось ни монетки.

— Сделаешь всё как надо, получишь вдвое больше обычного, — предупредил охотник. — А увижу, что схалтурил... — Верд криво улыбнулся, чем сразу же добавил халтурщику трудового энтузиазма.

Забрав поклажу, охотник наконец позволил себе, а заодно окоченевшим Талле и Санторию спрятаться от холода в храме.

— Проклятый Тремя глупец ещё не решил начать праведную жизнь и посвятить себя служению высшим силам? — торопливо, приплясывая от холода, уточнил толстячок.

— Может, как-нибудь потом, Санни.

Верд бросил на пол сумки и с готовностью раскрыл объятия.

— Вот и чудненько, а то я поставил греться вино, как только увидел тебя из окна.

Благочестивый служитель храма по-дружески облапил гостя и не иначе как при помощи колдунства достал из рукава аккуратненькую, но вместительную фляжку. Приложился, сыто крякнул и пустил по кругу.

— Тоже мне, слуга богов, — усмехнулся Верд, внося посильную лепту в уничтожение греховной жидкости.

Талла со всей внимательностью досматривала рясу служителя, выясняя, откуда возникла и куда исчезла фляжка, а главное, как под тканью уместилось блюдо с наскоро нарезанными бутербродами. Последнее делала, уже снимая пробу с яства, дабы удостовериться, что коварный служитель не обманул её зрение.

— Божественное чудо, не иначе, — пришла к выводу колдунья.

Храм оказался хоть и здоровенным, но на три четверти заброшенным. Санни заботливо вручил гостям веник, чтобы отряхнуться от снега, после чего ещё долго петлял тёмными коридорами, прежде чем вывести в просторную залу с приторным запахом благовоний.

Лица Троицы Богов на многочисленных гобеленах, закрывающих трещины в каменной кладке, выражали тщательно скрытое раздражение и чётко отмеренную безмятежность. Ключ, Нож и Котёл в алтаре, которым полагалось бы сиять золотом, мерцали тускло, едва лоя отражение свечей.

— Пустовато у тебя, — отметил Верд. — Где же толпы страждущих благодати?

Санни торопливо что-то прожевал, походя поправил покосившуюся свечку, грозящуюся подпалить тканую длань богини, и махнул рукавом:

— По домам сидят, жалуются на раннюю зиму. Как Плессий пропал, вовсе ходить забросили. А вот молились бы летом усерднее, жертвовали бы монетку-другую на храм...

— Тогда что? Погреба стали бы полнее у них?

— Этого я знать не могу, — с достоинством ответил толстячок. — Зато скромный служитель не задавался бы вопросом, как пережить ближайшие полгода.

— Талла, прекрати расковыривать алтарь! — одёрнул колдунью Верд.

Но дурная, ничуть не смутившись, сунула ему под нос кривую куколку, слепленную из накапавшего на подсвечники воска:

— Глянь, это ты!

Изображение охотнику не польстило, и он в сотый раз напомнил себе, что за придушенную (даже немножечко!) колдунью платят меньше, чем за полноценную.

— А у девушки определённо есть талант, — оценил работу Санни и, гнусно захихикав, откинул ткань с посечённым молью изображением Котла. Изображение оказалось символичным: за Котлом обнаружилась дверца в жилую часть храма и кухню. — Проходите, гости дорогие!

— Иди-иди, — поторопил спутницу Верд. — Здесь тебя линчевать некому. Санни — мой старый добрый недруг.

Служитель сложил ладошки у груди, попытавшись скопировать позу и укоризненный взор Бога с Ножом:

— Я лишь не оставляю надежд наставить заблудшую душу на путь истины и увести подальше от греховной доли.

— Попутно помогая мне разделять тяготы греховного существования, — охотно поддакнул Верд, хозяйски заглядывая в котелок. — Вино согрелось.

— Душа сильна, но тело слабо, — тоненько пропел Санни, подставляя кружку.

Талла устроилась на краю широкой скамьи, некогда вмещавшей целый десяток братских, закалённых молитвами задов, и, скинув валенки, с огромным удовольствием прислонила ступни к печке.

— Моё тело тоже слабо, и мне налейте, — попросила она.

Верд приподнял бровь, но справедливо рассудил, что девица выросла в деревне, а стало быть, чего-чего, а пить умеет. Зря, как выяснилось позже.

Наметав на стол скудную, по меркам среднестатистических храмовников, трапезу (пара колец копчёной колбасы, кадушка квашеной капусты, запечённая репа и остатки холодной жирной каши), Санни опустил пышный зад напротив Таллы и поинтересовался, глядя на неё, а не на Верда:

— Какими судьбами в наших краях, старый недруг? Неужто всё же решил взяться за очищение души?

Охотник отхватил добрую половину колбасного кольца за один укус и сделал большой глоток пряного согревающего напитка.

— Насчёт души не скажу, а вот с телом можно попробовать. Баньку нам растопишь, Санни?

— Я что, постоялый двор? — взбунтовался тот. — Или бесплатная обслуга? Может, ещё и штаны тебе постирать?

— Если не затруднит, — невозмутимо кивнул Верд. — На постоялом дворе денег хотят.

— Так и я хочу!

— Тебе не полагается — ты служитель храма.

— Вот на его-то нужды мне и надо! Нынче, чтобы возжечь огонь веры в сердцах страждущих, знаешь ли, нужно хорошо так вложиться! Чтобы на каждом углу менестрели про тебя легенды складывали, чеканной монетой поделиться призывали...

— Это те, которые пели про службу, нажравшегося в «Трёх поросятах» так, что его приняли за четвёртого?

Охотник невинно рассматривал короткие обгрызенные ногти, словно ни на что не намекая, но Санни всё равно вспыхнул:

— Невозможно прийти к свету, не изведав тьмы!

— И как, хороша она на вкус?

Талла крутилась, поворачиваясь то к одному спорщику, то к другому, и наконец заключила, напрягая губы, чтобы не рассмеяться:

— Знаете, мне почему-то кажется, что вы друзья.

— Нет!

— Даже не близко! — хором возразили мужчины.

— Значит, показалось, — покорно согласилась колдунья, пряча хитрющую улыбку.

Верд смерил Санни и Таллу пристальным взглядом и осторожно, тщательно подбирая слова, сообщил:

— Девчонку вот взялся проводить. Путник из неё, правда, смех и слёзы. Купить бы приличной одежды да тёплые сапоги.

— Побойся богов! — Толстячок вскочил с места, шлёпнув на стол пухлые ладошки. — У самого в закромах ни медьки!

— Я похож на побирушку? — холодно поинтересовался охотник. — Нам нужна работа.

Служитель деловито надул щёки и сцепил пальцы поверх пузика.

— Ну ты же понимаешь, что в моём селении неудобное богам колдовство творить никак нельзя...

— Разве я спрашивал разрешения?

— Не припомню ни единого такого случая. — Санни едва успел схватить последнюю колбасину с тарелки и одобрительно зачавкал. — Ладно уж, — смильстивился он, облизывая пальцы. — У меня есть работа. Но не для девушки, а для тебя.

Верд долго рассматривал отборную (в смысле, отобранную у приятеля) половину колбасного кольца и будто бы нехотя подпихнул её к Талле. А то тощая та-

кая, того и гляди кони двинет. Бросил, чтобы его вдруг не сочли излишне жалостливым:

— Вот у кого задница мёрзнет, тот пускай и зарабатывает себе на сапоги.

— Давайте! — Колдунья с готовностью подскочила: хоть сейчас за работу! — По хозяйству помогу, за живностью могу приглядеть!

— И чем же ты сможешь, деточка? — как к болящей, обратился к ней Санни. — Коров пасти? Самое время. Доить? Так чужачку ни одна хозяйка к животине не подпустит. Танцы вокруг стада танцевать станешь?

— Почему же? — Талла изобразила, что убаюкивает младенца. — Я их могу обнимать и целовать! В нос!

— Под хвостом ещё поцелуй, — сплюнул Верд, прикидывая, что, если дура сейчас же не доест мясо, придётся ей помочь.

Бурчал охотник больше по привычке. Если уж сказать честно, примерно так он работу колдуньи и представлял: поцелует, погладит, тем самым вытянет хворь, если какая змеёй затаилась под шкурой.

— Ладно уж, какая у тебя работа, Санни? Помогу по старой памяти.

— Суцая безделица, право! — Окончание фразы служитель пробулькал в кружку с вином: — Идетохаме аася уутоерь.

— Чего?

— Идетохаме аася уутоерь! — прогудела кружка чуть более раздражённо.

— Санни, кончай придуриваться! Что у тебя случилось?

Господин Санторий поднял очи от вина и поспешил перевести их на забытую всеми кашу.

— Где-то в храме завёлся лютозверь.

И залпом опустошил чашу, точно это могло хоть как-то спасти ситуацию.

— А может, я лучше корову под хвост поцелую? — прозвучал робкий голосок Таллы в напряжённой тишине.

Глава 3

НЕ ВСЯКИЙ ЗВЕРЬ — ЛЮТЫЙ

Как оказалось, пить Талла не умела. К сожалению, Верд осознал это только тогда, когда что-то делать стало уже поздно.

— Вези меня, мой верный конь! — С третьей попытки колдунья выбрала из нескольких двоящихся Вердов правильного и попыталась взобраться к нему на плечи, одновременно указывая путь в глухую стену. Афера не удалась, но попытки девушка прекращать не собиралась.

— Женщина есть греховный сосуд, способный только уводить мужей с пути истинного, — икнул тоже изрядно захмелевший Санни. — И я вообще-то оскорблён, что его, — навалившись пузиком на стол, он ткнул охотника в грудь, — его ты с пути уводишь, а меня нет! Мой путь всяко праведней!

— Рожей не вышел, — польщённо хмыкнул Верд, в очередной раз ссаживая Таллу на скамью. — Угонишься ты или нет, дурная?

Девушка активно замотала головой:

— Нам сегодня лютозверя ловить! Мне угонима... у-го-ни-ма-вы... тьфу! Никак нельзя, в общем!

— Нормальных не нашёл, — ответил охотник на безмолвный вопрос служителя. — Видать, теперь все колдуньи малость на головку пришибленные.

— И ничего я и не пришибле... ой!

Сверзившись, Талла внезапно поняла, что устроилась невероятно удобно, а потому, не теряя времени, тут же и уснула: с раскинутыми руками и заброшенными на лавку стопами.

— А вот теперь, пожалуй, немного пришибленная, — сонно пробормотала она.

— Если каким-то чудом я довезу её живой, — Верд приподнял и сбросил на пол сначала одну, потом вторую ногу колдуньи, — пожертвую твоим богам золотую монету.

— Так уж и золотую? — Санни обнюхал опустевшие чашки и с тоской признал, что ни в одной из них не осталось ни глотка хмельного.

— Ну на медьку они рассчитывать точно могут, — хмыкнул охотник, перекидывая ровно посапывающую девчонку через плечо. Вот так бы её и везти: тихая, спокойная, не суетится и не задаёт глупых вопросов. — Показывай, куда эту ненормальную положить. И давай о деле. Лютозверь?

— Шалит с полгода как. — Служитель побежал впереди, пузом распахивая двери. — Летом не слишком-то беспокоил, видать, всё больше по полям бегал. А как похолодало, обосновался в храме. Пока Плессий, да обрадуются ему боги, был с нами, прихожане толпились здесь днями и ночами. А нечистые твари не любят толпы, потому и не совались. Но одинокий служитель — лёгкая добыча.

Он обеспокоенно ощупал живот.

— Знаешь, Верд, мне иногда кажется, что лютозверь охотится за мной лично. Других смертей в деревне пока что не было. Куры пропадают, двух телят недосчитались. А люди все в целости, даже никто по пьяни в колодец не свалился или не заплутал в лесу.

Санни пошёл медленнее, чтобы поравняться с приятелем. Поджал губы, точно очень хотел, но не мог сказать что-то важное.

— Совсем молоденькая, — отметил он, кивая на мотающуюся туда-сюда белоснежную косу колдуньи.

— А дури на десяток старух хватит. Не отвлекайся. Размеры? Когда появляется?

— Я видел его только издали и в темноте. А потому, сам понимаешь, показался не меньше быка. Верд, я обещал впредь молчать, но...

— Вот и молчи! — рявкнул охотник. — Наши пути разошлись. У тебя своя работа, у меня своя. И мы поклялись не учить друг друга жизни.

— Но девочка же...

— Вполне себе взрослая! Ей замуж давно пора, а не в одинокую знахарку играть! Благодаря мне она устроится куда как лучше, чем в своей избушке! У неё в стенах щелей было больше, чем брёвен!

— И что же, лучше стать куклой для какого-нибудь богача?!

Руки Таллы мотнулись, точно и правда были кукольными. Она пробормотала сквозь сон что-то ласковое и поёрзала на широком плече.

— Да. Лучше, чем дожидаться, пока в голодный год односельчане сдадут её королю и порадуются казни.

— Она хоть знает, сколько ты за неё получишь?

— Не нужно, Санни. — Верд остановился и прошил служителя взглядом, точно прибывая к старому гобелену. Спокойно, но веско. Без лишних слов, одними раздувшимися ноздрями давая понять: друг или нет, но святоша лезет не в своё дело.

Толстячок и не попытался выдержать суровый взгляд. Сразу наклонил голову, сдаваясь, и прошептал:

— Я понял тебя. Лютозверь появляется после полуночи. Откуда-то с северной части храма, она уже лет пятнадцать как нежилая...

Верд удовлетворённо кивнул: кажется, Санни и правда всё понял.

Значит, после полуночи... Несколько часов кряду пытаться в темноту, фантазиями вращивая мышинный шорох до скрежета слюнявых челюстей точно не стоит. Но и засыпать, если по-хорошему, тоже нельзя. Потому охотник позволил себе слабость: всё-таки потребовал баню, дабы, в случае чего, монстра не слишком мучило несварение.

— А то за такую трапезу лютозверь тебе спасибо не скажет, — добавил он.

— Не о телесной чистоте нужно заботиться, а о духовной, — нравоучительно изрёк Санни.

Верд демонстративно принюхался:

— То-то я чую, ты давненько не предпочитал духу тело...

— Хватит с тебя и бадьи, — вспыхнул служитель, украдкой занюхнув подмышку и тут же брезгливо поморщившись. — Сам воды нагреешь и наносишь. Не знатный господин.

Охотник ухмыльнулся: проси гору золота, если хочешь получить хоть один кошель. Это правило он усвоил давно. Потребуй он у Сантория сразу бадью, получил бы таз с холодной водой. Не благородный господин, правда что.

Санни он отправил греть воду. Служитель заупрямился: как так, оставить невинную деву наедине с беспринципным наёмником?! Но когда Верд охотно предложил ему присоединиться в качестве третьего, смутился и сбежал.

Колдунье выделили одну из многочисленных пустующих келий. Давненько подсвечники храма не звенели от слаженного хора братьев. Видно, достоинства праведного образа жизни уступили соблазнам мирского. Неудивительно, что в пустынном каменном мешке завелась хищная тварь. Больше странно, что одна. Лютозвери редко наслаждаются уединением, предпочитая собираться в стаи. И вот тогда-то против голодной своры не поможет ни меч, ни тем паче молитва.

Комнатушка Талле досталась прохладная и уж точно не уютная, но с крепким засовом на случай, если нечисть унюхает лёгкую добычу, и толстыми стенами.

Не слишком осторожно сбросив ношу на кровать, Верд приостановился. Выругался сквозь зубы, порывлся в пыльном сундуке и небрежно набросил поверх свернувшейся клубочком девушки тонкое одеяло.

— Совсем молоденькая, — вполголоса припомнил он слова Санни и недовольно резко выдохнул: у молоденьких девочек небось слишком мелкая рубашка не топорщится на груди, а завязки не расходятся в стороны, маня проверить, что там за ними спрятано. Была бы девка умная, выскочила бы замуж в этом году, а то и парой лет раньше. Красивая ведь, хоть и дурная. Небось нашёлся бы олух, согласный связать себя с неугодной богам колдуньей. И может, тогда Талла была бы в безопасности: мужних ищейки короля почти что и не проверяют. Всем известно: дурная в семье — горе на весь род, да к тому ж и потомством обзавестись не выйдет.

Но устроилась бы! Жила спокойной жизнью, а не ёжилась на твёрдой кровати, точно продрогший зайчишка! Дура!

Верд не удержался, присел рядом и, демонстративно глядя в сторону, подтянул повыше одеяло, закрывая

проклятую шнуровку под тонкой девичьей шеей. Постарался не задеть ладонью, даже случайно. Кто её знает, колдунью эту? Лежит, что тонкая ледяная статуэтка: красивая, нежная. Так и тянет обвести пальцами вздёрнутый носик, смешливо поджатые губы, жилку на шее, ныряющую за ворот... А тронешь — растает. И нету красоты. А то ещё уронишь случайно, разобьёшь на мелкие кусочки, и никто так никогда и не увидит, не узнает, что была на свете эдакая невидаль.

Её бы на полку, чтоб никто не трогал, да на ключ в дальней комнате. Кукла... Красивая будет кукла. У кого-то.

Резко мотнув головой, охотник отвернулся, убрал с лица прядь пепельных волос, как нарочно, всегда лезущих в глаза. Не про него такая кукла, нечего и разглядывать.

Больше не оборачиваясь, размашистым шагом вышел из кельи.

Другое дело — горячая вода! Вот это радость для таких, как он! Охотник уже и не помнил, когда в последний раз доводилось не наскоро ополоснуться над ведром, а то и над ледяным ручьём, а с наслаждением скинуть штаны и целиком погрузиться в бадью. Да в жаре, не хуже бани! В закутке на кухне, отгородившись занавеской, чтобы тепло медленнее уходило, спиной чуя пыхтение печи... Старые шрамы, обласканные мыльной водой, кажется, стали ныть чуть меньше, а уж какая благодать для изнурённых долгим путешествием мышц! Точно женщина ласкает, гладит напряжённые плечи, дышит в ухо.

Непростительная слабость! Но Верд так и не заметил, когда задремал.

Наверное, сон был очень приятным. Глубоким и тягучим, как золотистые ленты мёда, похожие на жидкое

солнце. Они стекали по спине, щекотали лопатки. И ветер пах весной и талым снегом, путался в волосах, тянул за ухо... Упорно тянул, терпеливо, до боли...

— Верд! Ве-е-е-ерд! — шёпотом звал ветер.

Тело среагировало быстрее, чем проснулось. То не ветер дёргал его за ухо, лохматил волосы и тряс плечо.

— Верд! А-а-а-ай!

Кого другого, наверное, удалось бы только сбить с ног, чтобы выгадать мгновение дотянуться до меча. Но Талла, лёгкая, тонкая, да к тому ж ещё слегка пошатывающаяся после хмельного, с воплем плюхнулась прямо в бадью.

Трепыхаясь, озираясь, не успев сообразить, что произошло, она визжала, вместо того чтобы выглянуть из-под слипшейся чёлки и удостовериться, что всё в порядке.

— Убива-а-а-ают! Убивают же?! — неуверенно уточнила она.

— Да кому ты нужна! — простонал мужчина, которого поганка ушибла в единственное покамест убережённое от травм место.

Талла замолчала так же резко, как начала орать. Замерла, аккуратно поделила чёлку пополам, словно раскрывая занавески:

— Ой, так я, выходит, зря перепугалась?

Рассмеялась, как ни в чём не бывало плюхнулась в воду, изрядно её при этом расплескав, откинулась назад и невозмутимо поинтересовалась:

— Ты тут как?

— Пока ты не явилась, был в порядке, — прорычал охотник, попутно отмечая, что мыла в бадье почти что и не осталось.

Талла развела руками, отчего старательно нагребённая Вердом пена снова разлетелась по краям.

— Я не виновата. Показалось, пыхтит кто-то за дверью, я и пошла тебя искать.

— Вместо того чтобы запереться и не высовывать носа?

— А вдруг бы с тобой что-то случилось? — лукаво подмигнула колдунья.

— Со мной и случилось! — Верд сгоряча шлёпнул по воде и подумал, что, если так и дальше пойдёт, сидеть ему в пустой бадье голым под надзором синих глаз. А учитывая, что кипятик совсем остыл, пока он дрых, сидеть будет крайне обидно. — Ты со мной случилась, ненормальная! Пошла вон отсюда! Хоть бы смутилась для приличия!

— А то я не знаю, где в мужской бане глазок проделан, — фыркнула колдунья. — Напугал, тоже мне.

И тут охотник разозлился. Девчонка ещё не поняла, что он с ней не шутки шутить собирается? Он подался вперёд и навис над ней, заставляя либо нырнуть, либо зажмуриться, чтобы спрятаться от колючего взгляда:

— Послушай, девка. Ты, видно, ещё не уразумела, с кем связалась. Я не друг тебе, не побратим и уж точно не муж. Я лишь не хочу, чтобы ты сдохла раньше, чем доберёшься до города. Но, честное слово, если это всё-таки случится, не слишком расстроюсь.

Её рот приоткрылся, вот-вот меленько задрожит и выпустит наружу накопившиеся рыдания! И польётся рекой всё, что девчонка сдерживала раньше: все страхи, обиды, всё одиночество выплеснется, как вода из бадьи!

— Поняла?! — гаркнул Верд, сердито засопев.

Колдунья едва заметно опустила подбородок, кивая, но остановилась. Уставилась исподлобья и... улыбнулась.

— А мне кажется, — и голос её был твёрд, точно говорила немолодая прошаренная баба, а не напуганная

девка, — что я нужна тебе едва ли не больше, чем ты мне. Действительно считаешь, что я жила в своей избушке на отшибе и знать не знала, кто такие охотники?

Улыбка стала шире. Верд хотел ответить что-то. Что-то резкое, злое, что-то, что заставит колдунью замолчать... Но она набрала в грудь воздуха и нырнула, выражая полнейшее пренебрежение мнением мужчины.

Вода словно мгновенно нагрелась. Верд выскочил как ошпаренный, а Талла как ни в чём не бывало вынырнула, утёрла лицо и поднялась в полный рост. Тонкая рубашка облепляла тело, мешала перенести бледную ножку через бортик. Колдунья невозмутимо ступила на пол, ничуть не заботясь о стекающих на него струях, глядя прямо на Верда, нащупала утиральник на печи, промокнула волосы, скомкала и бросила охотнику. Ну и кто тут теперь жертва?

— Ну всё, девка, — он обвязал полотенцем бёдра и угрожающе шагнул вперёд, — зарвалась.

Она округлила глаза, от чего они ещё больше стали походить на ледяные озёра, и шумно сглотнула слюну.

— Ой-ёй.

— Иди-ка сюда, — почти ласково позвал охотник.

— Ёй-ёй-ёй! — продолжила девушка.

— Сюда иди, сказал! — рыкнул Верд, делая резкое движение и подсекая рыбку.

Талла завизжала, бросилась влево, пытаясь обогнуть мужчину, поскользнулась на натёкшей мыльной жиже. Мгновение, когда мужчина заломил ей руку, не давая двигаться, колдунья и вовсе упустила. Он приподнял её, давая касаться пола лишь носочками, и хорошенько припечатал ладонью по ягодице.

— Наглых девок полагается учить уму-разуму, — напутствовал он, шлёпая во второй раз. Талла пискнула,

дёрнулась, но куда там?! Не вырвешься! — Девкам, которые никак не уразумеют, кто в отряде главный, науку передают оплеухами.

Шлепок!

— Ай! Ну хватит, хватит! Я всё поняла! — взмолилась Талла, пытаясь вывернуться.

— Что ты поняла?

— Что ты сильнее, упрямее и дурнее! — вырвалось у неё. Колдунья тут же прикусила язычок, но сказанного не воротит.

— Сильнее? — Шлепок! — Это да. Упрямее? — Шлепок! — Точно! Как ты там дальше сказала?

— Уи-и-и-и! — прохныкала Талла. — Дура-а-а-ак!

— Я в умные и не метил! А вот тебя поумнеть заставлю. Ну-ка пошли!

Рано колдунья обрадовалась: едва выпустив её руку, охотник намотал на кулак мокрую косу. Потянул в сторону двери, распахнул...

Снаружи стоял лютозверь с занесённой для стука лапой. И он действительно был размером с быка.

— Мы, наверное, очень шумели, — прошептала Талла, пытаясь воспользоваться ситуацией и высвободиться. — Извините, пожалуйста.

Верд же вежливостью никогда не отличался. Он одновременно отпустил и отпихнул Таллу в сторону одной рукой, а вторую сложил в кулак и направил прямо в изумлённую клыкастую морду, которую зверь чуть наклонил, чтобы заглянуть в проём.

Приветствие хищнику не понравилось. Он зарычал, хватаясь передними чуть коротковатыми лапами за морду, огромными волосатыми плечами задел дверь. Та стукнулась о стену и с удвоенной скоростью полетела обратно, чтобы припечатать монстра ещё и по затылку.

Дважды благословив богов, с которыми, вообще-то, никогда не был в хороших отношениях, охотник метнулся к сваленной на скамье куче одежды, венчал которую меч. Какое же счастье, что Верд достаточно подозрителен и недоверчив! Не захвати он с собой оружие, спасся бы, только скормив лютозверю добычу послабее и повизгливее.

Вышеупомянутая добыча, быстро осознав, что визг делу не поможет, ухватилась за кочергу и принялась размахивать ею. Больше покамест страдала кухонная утварь, ну да хоть мешать дурная не станет.

Лютозверь был поистине огромен. Волосат, мышцат, зубаст. Будто перемолотый жерновами бык, которого строптивый мальчишка попытался собрать заново ради игры в войнушку. Клыки торчали неровно, во все стороны. Устрашать врага годится, а вот как рвать и жрать, когда настигнешь его и победишь?

— А-а-а-а-ар-р-р-р! — постаралась тварь донести до Верда своё негодование, и ответ на вопрос сразу нашёлся: помимо торчащих во все стороны клыков, в пасти имелось ещё два ряда ровных треугольничков, отличающихся белизной и остротой.

Не желая упускать столь удачную возможность, охотник плеснул в глотку первое, что попало под руку. Попался ковшик с обмылками, над которым мужчина успел побриться с вечера, так что зверь, распробовав, обиженно рывкнул и полоснул когтями.

Мимо.

Верд кувыркнулся, проскочил меж мощных длинных задних лап, созданных для того, чтобы загонять добычу, выскочил в коридор и, продолжая движение, наподдал монстру под зад, чтобы тот не вздумал сунуться в кухню.

В просторном храмовом коридоре нелюдь ориентировался с трудом, неповоротливо задевая колонны и роняя лампы, точно собственные габариты неприятно удивляли его. Но для охотника это только на руку.

— Ыр-р-р-р-р! — недовольно заурчал зверь, случайно намотавший на лапу цепочку масляного светильника, с корнем вырвал крепление из потолка и тут же попытался пристроить на место. Не удалось, ясное дело. Только гобелен со стены снёс. Ветхая ткань зацепилась за костяные наросты вдоль хребта и принялась развеваться, точно рыцарский плащ.

— Что, приятель, денёк паршивый выдался? — Верд сорвал полотенце с бёдер, резко хлестнул им по глазам твари.

— Фью-фью, — немислимым образом присвистнула она, оценив телосложение обнажённого охотника.

— Но-но! — пригрозил он. — Не для тебя роза цвела!

Лютозверь оскорблённо отшатнулся: недоодетый (или перераздетый) мужчина интересовал его в последнюю очередь! Монстр подобрался, напряг мускулистые ноги и прыгнул, преодолев коридор почти до самого конца. Испугайся Верд, побег от зверя, точно угодил бы в когти. Но он, наоборот, побежал навстречу и снова оказался за спиной врага, к тому ж успев полоснуть его мечом поперёк спины. Гобелен, временно исполняющий обязанности рыцарского одеяния, удалось разодрать от начала до конца, а вот спину, защищённую панцирем и толстой шкурой, повредить не вышло.

— Плохо дерёшься, — процедил охотник. — Без огонька.

С этими словами он подхватил с пола масляную лампу и зашвырнул вперёд, пока медлительный лютозверь не успел развернуться. Хорошо горит масло! Легко за-

нимается, ярко! К тому ж старый, уродливый гобелен давненько просился в костёр. За секунду-другую пламя перекинется на мохнатую шкуру. Главное, уследить, чтобы тварь не умчалась в глубь храма и не устроила пожар. А как обезумеет от страха, можно и закончить её мучения клинком.

Но, как известно, если не знаешь, чем испортить дело, позови бабу.

Боевой клич у Таллы вышел хороший, звонкий. Нет бы спрятаться в уголке да подождать, пока воин разберётся. Так нет же, влезла!

— Спасайся кто может! — прокричала колдунья и с воодушевлением принялась... сбивать с лютозверя огненные языки!

— Ты что делаешь, идиотка?! — Верд бросился перехватить её, но проклятая девчонка успела сорвать кочергой горящую ткань. Подпалины на шерсти нелюдя остались, но смертельной опасности они не несли.

Пришлось, рискуя собственным животом, хватать девку поперёк пояса, отгаскивать, пока монстр, не осознавший ещё, что спасся, катался по полу, избавляясь от потухшего уже огня.

— Жить надоело? Он сожрёт тебя и не поперхнётся! — Так бы и вlepить затрещину по этой упрямой мордашке, чтобы искрящиеся глаза наполнились слезами, чтобы не смотрели на Верда как... как на дурака.

Не пытаясь сопротивляться, Талла выглянула из-за плеча охотника и обратилась к лютозверю:

— Ты собираешься меня сожрать?

— А-а-а-а-ар-г-х!

— По-моему, звучит вполне доброжелательно, — заключила колдунья.

— Доброжелательно?! Это?! — Верд обвинительно ткнул мечом в сторону лютозверя.

— Аргх? — не меньше удивился монстр.

— А ты смог бы разговаривать более внятно с такой-то челюстью?

— С такой челюстью я бы жрал людей!

— Ты — да, — насупилась колдунья. — Не сомневаюсь. А вот лютозверь никого, кроме живности, не ест, умничка такая.

Монстр смущённо шаркнул ножкой и махнул лапой: дескать, да ладно вам!

— Откуда ты знаешь?

— А ты тоже это знаешь. Просто не помнишь. Санни сказал, что с тех пор, как лютозверь появился в селении, ни одного человека не пропало. Уверена, зубастик ещё и из леса выводил заплутавших. Так, зубастик?

Тот глухо рыкнул, а потом уселся на корточки в противоположном конце коридора, как дворняга какая, и тоскливо, протяжно завыл.

— Бедняжечка! Разве ты не слышишь, Верд? Он расстроен!

— Он жрать хочет!

— Хочет, — согласилась девушка. — Но тебя всё равно не сожрал, хоть и мог бы. Пусти!

— Вот ещё!

— Пусти, Верд! Он пытается что-то сказать!

Нелюдь и правда пытался. Не слишком успешно, обьяняясь отрывистыми жестами, меняя интонации рычания.

— Что из тебя выйдет отличное жаркое! — подсказал охотник.

— Ой, это же шарада! Он показывает шараду! — восторженно завопила Талла и завертелась таким угрём,

что удержать её под мышкой стало решительно невозможно. — Это он! Он показывает себя!

Девчонка заплясала на месте от нетерпения, а лютозверь совершенно по-человечески принялся водить лапами. На всякий случай Верд поудобнее перехватил меч, но, чуть погода, и сам увлёкся загадкой.

— Он показывает, что он идёт.

— Да какое идёт? — поправил Верд. — Лыжи он показывает! Лыжи!

— Идёт!

— Р-р-р-ра! — прервал спор лютозверь, указал когтем на Таллу и коснулся кончика крючковатого носа.

Колдунья показала язык и пихнула наёмника:

— Видишь? Я же говорила. Идёт. Куда ты шёл, зубастик?

Лапа обвела своды храма.

— Здесь? Ты ходишь здесь?

— Мы и так это знаем, — раздражённо буркнул охотник, перекидывая меч из руки в руку. — И нам это не нравится!

Талла зыркнула на мужчину и поджала губки.

— Ну что ж ты такой глупый? Он показал, что это случилось давно, а лютозверь когда завёлся? С полгода? То-то же!

Охотник нахмурился:

— Девка, это всё Санни говорил мне. Наедине. Пока ты спала без задних ног.

— Выходит, что с ногами, — пожал плечами колдунья и лукаво сверкнула очами. — Так, не отвлекайся. Что дальше, зубастик? Песочные часы? Груша?

— Бабу он показывает, — усмехнулся Верд, с ходу распознав формы, обрисованные зверем в воздухе. — И ещё показывает, что она колдовала. Как ты.

Талла подскочила на месте и захлопала в ладоши:

— Баба! Колдует! Это получается, что зубастика прокляли!

— Р-р-р-р-ра-а-рх! — горестно завыл лютозверь.

— Я знаю, что нужно!

Сообрази Верд, что эта ненормальная собирается делать, он успел бы её остановить. Но кому ж придёт на ум, что молодая красивая девица на полном серьёзе помчится к уродливой зубастой твари, чтобы смачно и звонко чмокнуть её в клыкастый рот?!

И самое обидное, что это ещё и помогло.

Громыхнул гром (потому что всем известно, что любое проклятие снимается исключительно под аккомпанемент грома), многочисленные светильники зашипели, грозя потухнуть, и сразу же взметнули огоньки до потолка. А потом всё успокоилось. Только на месте лютозверя сидел грязный отощавший немолодой мужчина с крючковатым носом.

У нынешнего служителя храма была одна крайне удобная черта: Санни всегда являлся на драку к шапочному разбору, а помощь предлагал ровно тогда, когда и без него всё успевали сделать. Вот и сегодня, явившись на грохот и крики, прикрывший голову кастрюлей и вооружившийся подсвечником, он застал лишь счастливую Таллу, изумлённого Верда и...

— Господин Плессий?

Старший служитель храма Трёх Богов хотел было встать во весь рост, но, обнаружив отсутствие густой шерсти по всему телу, предпочёл остаться на полу. Верда же подобные мелочи не смущали, и он нагло проигнорировал укоризненное покашливание приятеля, накинув полотенце на сгиб локтя, да ещё и выставив вперёд одну ногу.

Бывший лютозверь, растеряв навык, с некоторым трудом проговорил:

— Здравствуй, брат Санторий. Надеюсь, за время вынужденного отсутствия начальства ты не весь приход разогнал?

Глава 4

ГДЕ ДОРОГА, ТАМ И ПУТЬ

Несмотря на столь отчётливое урчание живота, что оно заглушало слова, господин Плессий сначала закончил утреннюю благодарственную молитву и только потом соизволил сесть за стол. Верд не терял времени и, пока служитель вдохновенно ораторствовал, активно двигал челюстями. Жевалось плохо, хотя он и выбрал наименее чёрствыи куски хлеба из предоставленных сомнительных разносолов. Почему всем продуктовым запасам начальник местного храма предпочёл сухари и воду, пока оставалось загадкой.

— Дом богов — ваш дом. — Для большей убедительности Плессий обвёл рукой мокрую кухню, усыпанную слоем разбитой в схватке посуды. — Прошу принять скромное угощение, посланное нам Богиней с Котлом.

— Да, вижу, скромностью она не обделена. — Хлеб рту охотника хрустнул так подозрительно, что он незаметно проверил языком целостность зубов.

Талла грызла свой сухарик, как белочка, откусывая по крохотному кусочку, и тоже с тоской вспоминала вчерашний ужин с Санни.

— Пост есть высшее благо, — нравоучительно изрёк Плессий, с усилием надкусывая краюху. — Я благодарен

богам за избавление от проклятия, которым те благословили меня.

— Благословили? — удивилась колдунья.

— Богам благодарен?! — возмущился охотник.

Служитель сложил ладошки на груди и вскинул серы очи к закопчённому потолку:

— Трое даровали мне прозрение! Я был слеп и глух, недостаточно усердно молился, и высшие силы оделили своего слугу полугодом уединения! Они защитили меня от мирских соблазнов, я же в скудоумии своём потратил время на попытки объясниться с младшим служителем! А ведь мог бы посвятить его куда более важным вещам! Мог бы очищать дух с тем же усердием, с каким брат Санторий сейчас очищает котлы!

Брат Санторий, на котором тут же остановились три взгляда, лучезарно улыбнулся и с неисчерпаемой радостью скрежетнул щёткой по таре, хранящей ещё прекрасный аромат глинтвейна.

— Да благословенна будет Троица Богов, — процедил он сквозь зубы, — за то, что вы, брат Плессий, вернулись. Уж теперь-то паства будет счастлива и снова к нам повалит!

Служитель сёрбнул водой в чаше и с прискорбием отметил:

— Удержать паству ничуть не легче, чем привлечь. Не вини себя, брат, за то, что не сумел поддержать огонь веры в их сердцах в моё отсутствие.

— Пока вы не напомнили, брат, я и не собирался. — Санни провёл щёткой по котлу с таким видом, точно хотел перерезать начальнику горло. — Но теперь уже вряд ли сумею избавиться от этой мысли.

— Ничего-ничего, мы отчистим храм от пыли и грязи, подновим алтарь, заделаем трещины в стенах...

— Мы? — подозрительно уточнил Санни.

— Я возьму на себя тяжёлую ношу: стану молиться и восхвалять твой труд, брат!

— А может, лучше я помолюсь, а вы с извёсткой по коридорам побегаете?

Плессий усмехнулся, словно услышал хорошую шутку, и погрозил пальцем подчинённому.

— Подадим пример селянам постом и жаркой молитвой, — экзальтированно перечислял старший служитель предстоящие радости сотрудничества с высшими силами, — станем отшельниками, пожертвуем неимущим все заработанные храмом деньги...

Санни тоскливо погладил упитанное пузико, прощаясь с ним.

— И на что ж нам тогда его ремонтировать, если все деньги пожертвуем?

— Боги не оставят нас, — смиренно хрустнул сухариком спасённый лютозверь.

Глаза Санни лезли всё выше на лоб, рискуя приблизиться к старательно замаскированным залысынам.

— Верд, друг мой, — ласково позвал он охотника, — слова господина Плессия вдохновили меня прочесть пред ликами богов житие первых послушников. Не составишь компанию?

Охотник рассудил, что от него не убудет, воздержись он от скудной трапезы.

— Ну пошли.

— А как же завтрак? — искренне озаботился Плессий. — Разве я могу оставить голодными присланных богами путников?

Верд постучал по столешнице куском хлеба, скривил в ухмылке край рта и бросил сухарь обратно в общую миску.

— Попоститься вдруг захотелось.

— А вы точно-точно не знаете, кто вас проклял? А удобно с такими зубищами ходить? А где вы днём прятались? А людей кушать хотелось? — возбуждённо затараторила Талла, и беглецы прибавили ходу, пока Плессий не рванул «читать духовные книги» вместе с ними.

— Не забудь снять паутину в алтаре, — успел напутствовать послушника служитель, но Санни только приложил ладонь к уху: «Ась? Не слышу, брат!»

До алтаря они так и не дошли. Пониженный до послушника бывший служитель храма Трёх Богов свернул раньше, увлекая за собой приятеля, и юркнул в низкую дверцу.

— Помощ-щ-щ-щнички, — прошипел он, вручая Верду огромную холщовую суму. — Спасли от лютозверя, называется! Да лучше б я с нелюдем под одной крышей жил, чем с этим святошей!

— Так ты и жил, — резонно возразил приятель, подставляя торбу под вяленое мясо, мешочки с крупами и овощи.

— И лютозверем он всяко был приятнее! Плессий из меня всю душу вынет, понимаешь! — Санни метнулся к Верду и попытался встряхнуть его, схватив за грудки, дабы донести всю серьёзность положения. Но наёмник не шелохнулся, сколько усилий служитель ни прилагал. — Алтарь — отмой, пыль — сотри, снег перед входом — раскидай! А сам он, видите ли, молитвы читает! И главное, прихожане к нему, святоше эдакому, валом валят! А от меня с той же скоростью в разные стороны!

— Завидно?

Санни с вызовом выпятил живот:

— А если и так?! Солдат из меня не получился, думал, хоть в храме своё место найду. А он меня гоняет, как

служку какого! Плессий человек хороший, но, боги свидетели, я обрадовался, когда его не стало! Правда, думал, что он не помер, как все решили, а в город сбежал. Есть у него там одна бабёнка... Ну да и шварг бы с ним! Сбежал и сбежал! Но на хрена ж ты мне его вернул?!

— Так, Санни. — Верд вырвал из цепких пухлых пальчиков окорок, которым служитель уже примерился утереть горючие слёзы. Не удержался, надкусил и бережно сунул в мешок к остальным продуктам. — Ты просил избавить тебя от лютозверя. Разве я что не так сделал? Ну хочешь, убью твоего святошу, прикопаем на храмовом кладбище, никто и не спросит! И даже надбавки за вредность не попрошу! Тюкну его по головушке из одной только любви к тебе!

Верд никогда не был шутником. Возможно, дело в том, что шрам через пол-лица искажал любую гримасу, что отбивало у собеседников желание смеяться. А может, дело в тяжеленном мече у пояса или в дурной славе, что окружала охотника. Но Санни юмора тоже не понял. Он отшатнулся, осеняя себя защитным знаком Ножа:

— Побойся богов, Верд! Плессий — добрый человек. Скотина вот только порядочная... А служитель он хороший, за дело радеющий...

— В отличие от тебя? — подсказал приятель.

— Шёл бы ты... — начал Санни, но, признав частичную правду, закончил иначе, чем собирался: — ко мне в комнату. Там под кроватью кошель с деньгами. И двигаем отсюда, двигаем! А то, не ровен час, и правда заслушаемся этого проповедника и станем с восторгом драить щели между половицами.

— Твой Плессий настолько хорош?

Санни тяжело вздохнул: